

ЖИТЕЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНТОШКИ И ЕГО КОМПАНИИ

Каминская П. В.

Полина Каминская

Житейские проблемы

Антошки и его компании

<https://litres.ru/74340334>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антошка - обычный взрослый человек, которому ежедневно приходится решать совсем не обычные проблемы. Работа, деньги, семейные заботы, неожиданные обстоятельства и вечный поиск времени на себя превращают его жизнь в череду испытаний. Но рядом всегда его маленький сын Гусь и верные друзья: хитрый Фокс, пушной Соболь, Красный Рак и загадочная мадагаскарская Руконожка.

Каждый из них по-своему смотрит на жизнь, поэтому даже самая серьёзная ситуация быстро превращается в смешное приключение. Вместе герои учатся справляться с трудностями, находить выход из неловких положений, поддерживать друг друга и не унывать, когда всё идёт не по плану.

Эта книга - сборник весёлых рассказов о знакомых каждому взрослых проблемах, рассказанных легко, живо и с добрым юмором. Здесь можно узнать себя, посмеяться над повседневными заботами и убедиться: даже в самых запутанных

ситуациях всё становится проще, если рядом есть друзья и немного фантазии.

Содержание

Предисловие	5
Потерянное настроение	7
Поиск сотрудников	16
Неудобные вопросы	36
Лишний выходной	52
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Полина Каминская

Житейские проблемы

Антошки и его компании

Предисловие

Привет, дорогой читатель!

Я — тот самый Мадагаскарский аватар, который будет сопровождать тебя по этой книге и иногда осторожно шептать: «Ну вот это уже было зря». Эта книга написана для взрослых людей, которые периодически смотрят на свою жизнь и думают: «Кажется, инструкция где-то потерялась ещё в детстве».

Если ты когда-нибудь считал, что только у тебя всё идёт не по плану, поздравляю: ты в хорошей компании. Здесь собраны истории реальных людей, которые честно согласились стать персонажами этой книги, чтобы своим примером показать: даже если ты уже взрослый, это ещё не значит, что ты всегда принимаешь мудрые решения. Иногда взрослый человек — это просто ребёнок с паспортом, ипотекой и умением делать вид, что всё под контролем.

Все герои этой книги настоящие. Они действительно существуют, дали своё согласие и, что особенно ценно, не пе-

редумали после перечитывания некоторых глав. За это им отдельное спасибо, медаль за храбрость и, возможно, скидка на моральную реабилитацию.

Главная мысль простая: ты не один. У всех бывают странные дни, сложные периоды, внезапные провалы, драматичные решения и разговоры с холодильником в три часа ночи. Но рядом всегда могут оказаться друзья, близкие и те самые люди, которые скажут: «Мы с тобой», даже если перед этим уточнят: «А зачем ты вообще это сделал?»

Так что устраивайся поудобнее. Впереди истории, где можно будет посмеяться, узнать себя, слегка покраснеть за других и, возможно, понять: просить помощи — это нормально. А поддерживать друг друга — вообще лучшее, что мы умеем, когда не заняты тем, чтобы наступать на одни и те же грабли.

Внимание: все трюки, ошибки, эмоциональные кульбиты и жизненные пируэты выполнены профессионалами. Не пытайтесь повторить самостоятельно. Хотя, если уже повторили — добро пожаловать, у нас тут как раз клуб.

Потерянное настроение

Жил-был Антошка. Не маленький, не большой, а такой — уже взрослый, с ипотечным взглядом, зарплатной печалью и лицом человека, который однажды сказал: «Ну всё, в понедельник начну новую жизнь», — и с тех пор каждый понедельник только старел.

И были у Антошки друзья: хитрый Фокс, пушной Соболь, мадагаскарская Руконожка Красный рак и многие другие звери, которых автор не знает по именам, потому что в детстве плохо смотрел энциклопедии, а теперь стесняется гуглить.

Однажды утром Антошка проснулся, посмотрел в потолок и понял страшное: настроение пропало.

Не «плохое настроение», не «так себе», не «надо кофе». А вообще никакого. Будто кто-то ночью залез ему в душу, вынес оттуда радость, оставил чек из продуктового и записку: «Извините, не удержались».

Антошка встал, надел самые грустные тапки, посмотрел на друзей и сказал:

— Всё. Я ухожу.

— Куда? — спросил хитрый Фокс.

— Не знаю.

— Отлично, — кивнул Фокс. — Самое популярное направление у взрослых людей.

Пушной Соболь всплакнул так красиво, что его сразу захотелось продать на воротник, но друзья сдержались, потому что сказка всё-таки про дружбу, а не про рынок верхней одежды.

Мадагаскарская Руконожка почесала длинным пальцем затылок и сказала:

— Может, настроение просто завалилось за диван?

Все посмотрели за диван. Там нашли три носка, старую совесть Фокса, крошки, которые уже создали свою цивилизацию, и маленькую записку: «Мы больше не крошки. Мы народ».

Настроения там не было.

Антошка вздохнул и ушёл в лес. Лес был мрачный, сырой и напоминал отделение почты в пятницу вечером. Деревья стояли такие унылые, будто им тоже обещали повышение, но дали только новые обязанности.

Друзья бросились его спасать.

Первым план придумал хитрый Фокс.

— Чтобы вернуть Антошке настроение, надо устроить ему праздник!

— Какой? — спросил Соболь.

— Взрослый, — сказал Фокс. — С едой, музыкой и ощущением, что утром будет стыдно.

Они накрыли поляну. Соболь принёс грибы, но никто не знал, съедобные они или философские. Руконожка принесла кокос, потому что с Мадагаскара, и считала это достаточ-

ным объяснением. Какие-то звери, чьих имён автор не знает, притащили салат, который подозрительно шевелился.

Когда Антошка подошёл, все закричали:

— Сюрприз!

Антошка посмотрел на стол, на друзей, на грибы и сказал.

— Спасибо. Но внутри меня пустота.

— Пустота — это хорошо, — оживился один зверёк. —

Значит, место для десерта есть!

Но Антошка не улыбнулся.

Тогда Соболь предложил второй план.

— Ему нужно купить что-нибудь красивое. Взрослые всегда так лечатся.

Друзья повели Антошку на лесной рынок. Там продавали всё: волшебные орехи, берёзовый сок с налогами, амулеты от тревоги, которые начинали тревожиться за тебя, и зеркала, показывающие не лицо, а кредитную историю.

Фокс купил Антошке шляпу.

— Вот! В ней ты выглядишь загадочно.

Антошка надел шляпу.

— Теперь я выгляжу как человек, у которого пропало настроение, но появилась шляпа.

— Уже прогресс, — сказал Фокс. — Раньше у тебя не было даже шляпы.

Но настроение не вернулось.

Тогда мадагаскарская Руконожка решила действовать по-научному.

— У нас на Мадагаскаре, — сказала она, хотя никто её не спрашивал, — если кто-то теряет настроение, мы ищем дырку, через которую оно вытекло.

— В человеке? — испугался Соболев.

— Лучше бы в человеке, — мрачно ответила Руконожка.
— В жизни дырки найти труднее.

Они осмотрели Антошку. Дырок не нашли. Только одну старую обиду, две недосказанности, воспалённое «я потом отдохну» и хроническое «ничего страшного, потерплю».

— Вот оно! — закричала Руконожка. — Настроение не потерялось. Оно уволилось!

— Как это? — спросил Антошка.

— Очень просто, — объяснила она. — Ты его годами не кормил, заставлял работать по выходным, запирали в подвале рядом с мечтами и говорил: «Некогда». Оно собрало вещи и ушло.

Все замолчали. Даже салат на столе перестал шевелиться, потому что тоже почувствовал себя неловко.

— И где его искать? — тихо спросил Антошка.

— Там, где ты его в последний раз видел живым, — сказал Фокс.

Антошка задумался.

Он вспомнил, как когда-то радовался просто так. Как смеялся над глупостями, ел мороженое не для фото, гулял без цели, разговаривал не «по делу», а потому что хотелось. Вспомнил, как рисовал страшных человечков на полях тет-

ради, мечтал о собаке, доме у моря и отпуске, после которого не нужен ещё один отпуск.

— Кажется, — сказал Антошка, — я видел его возле старой скамейки у озера.

И все пошли к озеру.

Озеро было тихое, как бухгалтер после годового отчёта. На берегу стояла старая скамейка. А на ней сидело Антошкино настроение.

Маленькое, лохматое, в старом свитере, с кружкой чая и выражением лица: «Я не обижаюсь, я просто делаю выводы».

— Привет, — сказал Антошка.

Настроение отпило чай.

— А, это ты.

— Я тебя искал.

— Правда? А я думало, ты меня списал как необязательную статью расходов.

Антошка сел рядом.

— Прости. Я правда забыл про тебя.

— Забыл? — фыркнуло настроение. — Ты три года называл меня «фигнёй», «не до этого» и «потом как-нибудь». Я же не бессмертное. Я настроение, а не таракан после апокалипсиса.

Фокс шепнул Соболю:

— Сильная фраза. Надо записать.

Соболь уже плакал и делал вид, что это роса на меху.

Антошка долго молчал. Потом сказал:

— Возвращайся. Я попробую лучше.

— Не «попробую», — строго сказала настроение. —

Условия.

— Какие?

Настроение достало маленький контракт.

— Первое: хотя бы иногда отдыхать без чувства вины.

— Трудно, — признался Антошка.

— Второе: не общаться с людьми, после которых хочется лечь в землю и попросить не беспокоить.

— Разумно.

— Третье: есть вкусное не только когда заслужил, потому что ты не собака на дрессировке.

Соболь возмутился:

— Эй, собаки тоже заслуживают уважения!

— Четвёртое: иногда делать глупости.

— Какие?

Фокс тут же достал гармошку, Руконожка — кокос, а неизвестные звери — тот самый шевелящийся салат.

— Любые, — сказала настроение. — Но без уголовщины. Мы всё-таки взрослые, нам потом кредиты платить.

Антошка подписал контракт. Настроение вздохнуло, прыгнуло со скамейки и забралось ему обратно в грудь. Было щеотно, тепло и немного стыдно — как после честного разговора или второго куса торта.

И вдруг Антошка улыбнулся.

Не широко, не как в рекламе стоматологии, а нормально

— по-человечески. Так улыбаются те, кто ещё не счастлив, но уже хотя бы не мебель.

Друзья закричали от радости. Фокс предложил отметить, Соболь снова заплакал, Руконожка торжественно открыла кокос пальцем, а неизвестные звери начали водить хоровод вокруг салата, который, кажется, тоже обрёл смысл жизни.

С тех пор Антошка больше не уходил от друзей молча. Если настроение начинало собирать чемодан, он сразу звал всех на чай, гулять к озеру или просто сидеть рядом и говорить всякую ерунду.

А если кто-то спрашивал его:

— Антошка, как настроение?

Он отвечал:

— Живое. Ворчит, но не увольняется.

И это, между прочим, для взрослого человека уже почти сказочный финал.

А где-то в лесу до сих пор лежит старая совесть Фокса. Но её никто не трогает.

Во-первых, страшно.

А во-вторых, вдруг пригодится.

Поиск сотрудников

Тот самый Антошка, который однажды уже терял настроение, находил его на скамейке у озера, подписывал с ним контракт и торжественно обещал отдыхать, радоваться жизни и не доводить себя до состояния офисного кактуса.

Жил-был Антошка.

Но жизнь, как известно, любит проверять человека на прочность не бедами, а сотрудниками.

Антошка занимался натяжными потолками.

Дело было серьёзное, почти героическое: приехал, замерил, натянул, прикрутил, выслушал от заказчика фразу: «А можно чуть-чуть дешевле, мы же почти свои?» — и постарел на три месяца.

Потолки у Антошки получались красивые: ровные, белые, блестящие, как надежда перед понедельником. Но была одна беда: сотрудники.

Они были недобросовестные.

Не все, конечно. Но большинство попадались такие, что даже рулетка в их руках начинала измерять не расстояние, а уровень отчаяния.

А началось всё с таракана Васи.

Таракан Вася был легендой. Маленький, усатый, быстрый, с таким видом, будто он пережил три ремонта, два потопа, одну дезинфекцию и семейный совет.

Вася появился у Антошки в самый трудный момент, когда тот стоял посреди квартиры заказчика, смотрел на кривые стены и думал:

— Может, уйти в лес, стать грибом и никому не отвечать на звонки?

И тут из-под плинтуса вышел Вася.

— Не дрейфь, Антошка, — сказал он. — Потолок, как жизнь: если криво начал — потом будешь натягивать лицо и говорить, что так и задумано.

Антошка удивился.

— Ты говорящий таракан?

— Я строительный таракан, — гордо ответил Вася. — У нас опыт передаётся не по наследству, а через выживание.

Вася многому научил Антошку.

Он учил его не верить фразе «там всего на час работы». Потому что «на час» обычно означает: на весь день, два перекуса, один нервный срыв и вечерний разговор с потолком.

Он учил, что заказчик, который говорит «я сам всё подготовил», обычно подготовил только проблему.

Он учил, что инструмент надо беречь, сотрудников проверять, а настроение не оставлять без присмотра, потому что его опять кто-нибудь утащит.

Вася был быстрый, умный и пролезал туда, куда не пролезал даже здравый смысл. Антошка к нему привык. Даже чай ему наливал в крышечку от бутылки.

Но однажды Вася исчез.

Оставил только записку на куске обоев:

«Антошка, прости. Я уйду. Меня позвали в элитную новостройку. Там тёплые трубы, крошки премиум-класса и никто не травит дихлофосом без предупреждения. Ты справишься. Только не бери на работу кого попало.

Твой Вася».

Антошка прочитал записку и сел на ведро с грунтовкой.

— Ну вот, — сказал он. — Даже тараканы делают карьеру быстрее меня.

С тех пор начались поиски сотрудников.

Первым пришёл Ёжик.

На собеседование он явился бодрый, колючий и уверенный.

— Работать умеешь? — спросил Антошка.

— Конечно! — сказал Ёжик. — Я ответственный, пунктуальный, непьющий.

Последнее слово он произнёс так, что даже стены напряглись.

Первые дни Ёжик работал хорошо. Подавал инструмент, держал профиль, важно ходил по объекту и говорил:

— Тут надо аккуратненько.

Антошка уже обрадовался. Думал: «Вот он! Надёжный зверь! Колючий, зато свой».

Но пришла первая зарплата.

Ёжик получил деньги, посмотрел на них, прослезился и сказал:

— Я только кумысика для аппетита.

И пропал на три дня.

Вернулся он в понедельник, пахнувший приключениями, с одним ботинком на голове и философским выражением морды.

— Антошка, — сказал Ёжик, обнимая перфоратор, — я понял жизнь. Потолок — это не верх комнаты. Это низ неба.

— Ёжик, ты вчера должен был быть на объекте!

— Я был на объекте, — возразил Ёжик. — Просто объект был внутренний.

После третьей зарплаты Ёжик начал пить заранее, чтобы, как он говорил, «не терять времени после выплаты».

Пришлось расстаться.

Потом пришли Суслики.

Их было трое. Или пятеро. Или восемь. Антошка так и не понял, потому что они всё время появлялись и исчезали из нор.

— Мы бригада! — бодро сказали Суслики.

— Опыт есть?

— Огромный! Мы копали!

— А потолки натягивали?

— Нет, но принцип понятен: там тоже надо что-то растянуть и куда-то спрятаться.

Суслики оказались весёлыми, быстрыми и абсолютно бесполезными.

Руки у них росли не откуда надо. Не то чтобы совсем плохо, но где-то из района творческого хаоса. Один держал уровень вверх ногами и говорил:

— Главное, чтобы душа была ровная.

Второй сверлил стену и почему-то попадал в пол.

Третий всё время спрашивал:

— А если потолок натяжной, почему мы его не тянем в лес?

На объектах после сусликов оставались странные отверстия, норы в гипсокартоне и ощущение, что ремонт делали существа, которые видели квартиру впервые и решили её раскопать.

Антошке приходилось работать одному за всех.

Он сам измерял, сам таскал профиль, сам грел полотно, сам натягивал, сам объяснял заказчику, почему за шкафом появилась «маленькая технологическая пещера».

Суслики же стояли рядом и поддерживали морально:

— Держись, Антошка! Ты молодец!

— А вы что делаете?

— Мы создаём командный дух.

— У меня от вашего духа глаз дёргается.

Сусликов пришлось отпустить. Они не обиделись. Они тут же открыли своё дело: «СусликСтрой: копаем в любом направлении». Через неделю их офис ушёл под землю вме-

сте с бухгалтерией.

Потом Антошка нанял Бобра.

Бобр выглядел серьёзно: жилетка, карандаш за ухом, зубы как два строительных инструмента.

— Я мастер, — сказал Бобр. — Дерево, бетон, металл — всё перегрызу.

— Мне бы не грызть, — осторожно сказал Антошка. — Мне бы потолки натягивать.

— Разберёмся.

Не разобрались.

Бобр был трудолюбивый, но у него была одна особенность: всё, что казалось ему лишним, он перегрызал.

Профиль? Перегрыз.

Провод? Перегрыз.

Стремянку? Подгрыз, «чтобы устойчивее стояла».

Однажды заказчик спросил:

— А почему у меня карниз выглядит так, будто его кто-то ел?

Бобр гордо вытер зубы:

— Не кто-то, а специалист.

После того как он начал строить плотину в ванной, Антошка понял: с Бобром пора прощаться.

Следующим был Ленивец Гриша.

Гриша пришёл на собеседование во вторник, хотя записан был на прошлый четверг.

— Извините, — медленно сказал он, — я торопился.

Антошка посмотрел на него и впервые в жизни увидел существо, которое опаздывало даже в собственные мысли.

— Работать готов? — спросил Антошка.

— Готов, — сказал Гриша. — Но постепенно.

На объекте Ленивец был спокойный, как памятник. Он мог часами держать шпатель и смотреть вдаль.

— Гриша, ты что делаешь?

— Вхожу в процесс.

— Ты уже три часа входишь.

— Процесс глубокий.

Однажды он полез на стремянку утром, а спустился ближе к вечеру. Не потому что работал, а потому что путь вниз, по его мнению, требовал уважения.

Заказчики Гришу любили: рядом с ним даже ремонт казался быстрым. Но Антошка понимал, что если так пойдёт дальше, один потолок они закончат к пенсии, а второй передадут потомкам.

Гришу пришлось отпустить. Он сказал:

— Я понял.

И ушёл через две недели.

Потом был Дятел.

Дятел сразу понравился Антошке: энергичный, целеустремлённый, с ударной техникой.

— Я всё пробую! — сказал Дятел.

— Не надо всё, — попросил Антошка. — Только там, где нужно.

Но Дятел не слышал. У него был талант превращать любую стену в барабан.

Тук-тук-тук!

— Дятел, хватит!

Тук-тук-тук-тук!

— Дятел, там проводка!

ТУК.

Свет погас.

В темноте Дятел радостно сказал:

— Зато теперь видно, где проблема.

После него стены выглядели так, будто квартира пережила нашествие мелких, но очень мотивированных молотков.

Потом Антошка взял Енота.

Енот был обаятельный, в маске, с ловкими лапками.

— У меня золотые руки, — сказал он.

— А почему в маске?

— Техника безопасности. И имидж.

Енот работал неплохо. Даже хорошо. Но у него была слабость: он всё мыл.

Перед монтажом он мыл руки. Потом инструмент. Потом профиль. Потом полотно. Потом ещё раз руки. Потом чайник заказчика. Потом кошку заказчика, хотя кошка была против и написала жалобу когтями на обоях.

— Енот, нам надо работать!

— Чистота — залог успеха.

— У нас объект, а не санаторий для тряпки!

Последней каплей стало то, что Енот вымыл разметку со стены и сказал:

— Зато красиво.

С Енотом тоже пришлось проститься. Он открыл клининг и стал счастлив. Правда, иногда его видели у реки, где он пытался отмыть собственную репутацию.

Потом пришёл Заяц.

Заяц был быстрый. Очень быстрый. Он за пять минут обещал объект, подписал договор, потерял рулетку, нашёл чужую рулетку, испугался дрели, спрятался в коробке и оттуда крикнул:

— Я готов к работе!

Но Заяц всего боялся.

Хлопнула дверь — он исчез.

Зазвонил телефон — он лёг в обморок.

Заказчик спросил: «А гарантия есть?» — Заяц выбежал из квартиры так быстро, что оставил после себя только уши в воздухе и запах паники.

— Нервный он, — сказал Антошка.

— Не нервный, а чувствительный! — донеслось из подъезда.

Работать с Зайцем было трудно. Особенно потому, что половину времени Антошка искал не инструмент, а самого Зайца.

Потом был Медведь.

Медведь выглядел идеально: сильный, большой, мог один

поднять всё, что Антошка обычно поднимал с молитвой и хрустом в спине.

— Вот это сотрудник! — обрадовался Антошка.

Медведь действительно таскал баллоны, лестницы и коробки так легко, будто это были ватрушки.

Но была проблема: он постоянно хотел спать.

— Миша, держи полотно!

— Угу.

— Миша, не засыпай.

— Я не сплю, я моргаю медленно.

Через пять минут Медведь уже храпел на рулоне потолка. Полотно потом пришлось разглаживать, потому что на нём остался отпечаток медвежьего сна и философской усталости.

А зимой Медведь вообще сказал:

— До весны не кантовать.

И лёг в кладовке заказчика.

Заказчик сначала возмущался, а потом привык и стал использовать его как пуфик.

Медведя пришлось уволить, хотя он до сих пор, возможно, числится где-то в старом акте выполненных работ как «дополнительная шумоизоляция».

Потом пришла Сорока.

Сорока была бойкая, разговорчивая и знала всех поставщиков, всех заказчиков, всех бывших сотрудников и половину слухов, которые сама же придумала.

— Я буду менеджером! — сказала она.

Сначала Антошка обрадовался. Наконец-то кто-то будет отвечать на звонки.

Но Сорока отвечала так:

— Алло! Натяжные потолки? Да, конечно! А вы знаете, что у соседки вашей люстра кривая? Нет? Ой, я вам такого расскажу!

Она могла продать потолок, но вместе с ним продавала чужие тайны, собственные догадки и бесплатную экскурсию по личной жизни клиента.

Однажды она пообещала заказчику потолок «звёздное небо», скидку, люстру, доставку, монтаж, психологическую поддержку и «чтобы муж наконец заметил ремонт».

— Сорока, мы так не работаем!

— Зато клиент заинтересован!

— Он теперь хочет, чтобы мы ещё и брак спасли!

Сороку пришлось отпустить. Она улетела вести блог «Потолки и сплетни» и быстро набрала подписчиков.

Потом Антошка взял Козла.

Козёл был упрямый, бородатый и уверенный в себе настолько, что даже ошибки совершал с выражением победителя.

— Я всё знаю, — сказал Козёл.

— Но ты раньше потолки делал?

— Нет. Но у меня мнение крепкое.

На объекте он спорил со всеми: с Антошкой, с заказчи-

ком, с уровнем, с инструкцией, с шуруповёртом.

— Тут надо по-другому, — говорил Козёл.

— Почему?

— Потому что я так чувствую рогами.

Однажды он поставил профиль не туда. Антошка сказал переделать. Козёл обиделся, боднул стену и заявил:

— Стена сама виновата, стояла вызываяще.

После этого его тоже пришлось уволить. На прощание он сказал:

— Вы ещё пожалеете!

И действительно, Антошка пожалел. Но только стену.

Потом была Сова.

Сова была умная. Очень умная. Она знала теорию натяжных потолков, историю гарпунной системы, коэффициенты расширения полотна и могла три часа объяснять, почему угол — это не просто угол, а философское состояние поверхности.

— Отлично, — сказал Антошка. — Завтра на объект к девяти.

— К девяти вечера? — уточнила Сова.

— Утра.

Сова побледнела.

— Я по утрам не существую.

Сова работала только ночью. Прилетала в темноте, будила заказчиков, садилась на люстру и говорила:

— Начнём монтаж.

Заказчики кричали. Соседи вызывали участкового. Антошка объяснял, что это не секта, а бригада.

Сова была хорошая, но график у неё был такой, что подходил только для вампиров, охранников и людей, которые решили окончательно испортить отношения с соседями.

Сову пришлось отпустить. Она стала консультантом и теперь пишет длинные инструкции, которые никто не читает, но все уважают.

Так Антошка искал достойных сотрудников.

И чем дольше искал, тем сильнее огорчился.

Он сидел вечером на старой скамейке у озера, той самой, где когда-то нашёл своё настроение. Рядом стояли инструменты, лежала смета, а в телефоне мигали сообщения:

«Я завтра не выйду, у меня лапа устала».

«А зарплата будет до работы?»

«Я случайно уехал на другой объект. В другой город. С чужой бригадой».

«Антошка, я не пропал, я в духовном отпуске».

Антошка вздохнул так тяжело, что с ближайшего дерева упал лист и сказал:

— Ну всё, я тоже увольняюсь.

Рядом появилось его настроение. То самое, маленькое, лохматое, в старом свитере. Только теперь оно держало не кружку чая, а каску с надписью: «Я предупреждало».

— Опять грустишь? — спросило настроение.

— Ищу сотрудников, — сказал Антошка.

— А-а-а, — кивнуло настроение. — Тогда понятно. Это не грусть. Это кадровый квест с элементами выживания.

— Я уже не знаю, кого брать. Ёж пьёт, суслики копают, бобр грызёт, ленивец тормозит, дятел дырявит, енот моет, заяц боится, медведь спит, сорока болтает, козёл спорит, сова работает ночью. Может, я проклят?

Настроение посмотрело на него строго.

— Нет, Антошка. Ты просто предприниматель.

— Это лечится?

— Иногда отпуском. Иногда хорошей бригадой. Иногда продажей бизнеса и жизнью в избушке. Но мы пока не сдаёмся.

Из кустов вышел хитрый Фокс с гармошкой.

— Я слышал слово «сотрудники» и пришёл посмотреть на трагедию.

За ним появился пушной Соболь, уже заранее плачущий, потому что понял тему разговора.

Мадагаскарская Руконожка торжественно несла кокос и папку с резюме.

— Мы поможем, — сказала она. — Только теперь будем выбирать не тех, кто громче говорит «я умею», а тех, кто реально умеет, не исчезает после зарплаты и отличает потолок от пола.

— Таких зверей вообще видели? — спросил Антошка.

— Видели, — сказал Фокс. — Редко. Обычно они заняты. Но их можно найти.

— Как?

— Терпением, проверкой, нормальными условиями и чутьём, — ответила Руконожка. — А ещё не надо брать в бригаду первого встречного только потому, что он пришёл трезвый и с рулеткой.

— Рулетка, кстати, была моя, — грустно сказал Антошка. И тут из леса вышел неизвестный зверь.

Автор не знал, кто это. То ли куница, то ли мангуст, то ли чей-то прораб после длительного ремонта. Зверь был аккуратный, спокойный, с нормальным инструментом, чистой спецовкой и взглядом существа, которое знает, что такое уровень, ответственность и «я приду к восьми» без мистического подтекста.

— Здравствуйте, — сказал зверь. — Я слышал, вам нужен монтажник.

Антошка насторожился.

— Пьёшь?

— Нет.

— В стены без причины стучишь?

— Нет.

— Профиль грызёшь?

— Нет.

— После зарплаты исчезаешь?

— Только домой.

— Руки откуда растут?

Зверь спокойно показал лапы.

— Оттуда, откуда надо.

Суслики из ближайшей норы возмущённо зашептались:

— Выпендривается.

Антошка впервые за долгое время почувствовал, как внутри него осторожно приподнимается настроение.

— А работать умеешь?

— Умею. Но сначала посмотрю объект, задам вопросы и скажу честно, сколько времени нужно.

Антошка чуть не прослезился.

Соболь заплакал за него, потому что у него это получалось профессиональнее.

— Кажется, — прошептал Антошка, — такие звери существуют.

Настроение похлопало его по плечу.

— Конечно, существуют. Просто достойные сотрудники не валяются под каждым кустом. Под каждым кустом обычно валяется Ёжик после зарплаты.

Из соседнего куста донеслось:

— Я всё слышал. И я в отпуске души.

Все сделали вид, что не слышали.

Антошка поднялся со скамейки, поправил смешную шляпу, взял рулетку и сказал:

— Ладно. Будем искать дальше. Не всех подряд, а нормальных. Тех, кто не только обещает, но и делает.

— Вот это правильный подход, — сказал Фокс и заиграл на гармошке что-то похожее на гимн выживших предпринимателей.

Руконожка открыла кокос длинным пальцем, Соболь плакал от надежды, неизвестные лесные зверьки водили хоро-вод вокруг ящика с инструментами, а цивилизация крошек из-за куста подняла маленький флаг с надписью: «Кадры решают всё, но иногда добивают».

И понял Антошка простую взрослую истину: поиск хороших сотрудников огорчает, сидит и заставляет разговаривать с потолком. Но если не сдаваться, не брать кого попало и верить, что где-то в лесу ходят честные, трезвые и рукастые звери, то однажды они обязательно найдутся.

А пока Антошка работал, учился выбирать лучше и берег своё настроение.

Потому что настроение у него теперь было живое.

Ворчалю, пило чай, составляло вакансии и иногда говорило:

— Ничего, Антошка. Ты обязательно найдёшь подходящих зверей.

И Антошка верил.

Не громко, не наивно, а по-взрослому: с лёгким нервным тиком, сметой в руках и надеждой, натянутой ровнее любого потолка.

Неудобные вопросы

Жил-был Антошка. Тот самый, что заключил контракт с настроением.

Не то чтобы спокойно жил, но делал вид очень убедительно. У него был чайник, который свистел так, будто знал все семейные тайны, тапки с крошками внутри и сын.

Сын был гусь.

Маленький.

Жёлтый.

Пушистый.

Звали его Артурка.

Артурка очень любил папу. Любил так крепко, что ходил за Антошкой везде. Если Антошка шёл на кухню, Артурка уже сидел у холодильника и спрашивал:

— Пап, а почему молоко белое?

Если Антошка шёл в ванную, Артурка стоял у коврика и спрашивал:

— Пап, а почему полотенце мокрое, если оно должно сушить?

Если Антошка садился на диван, Артурка тут же забирался рядом, прижимался тёплым боком и спрашивал:

— Пап, а почему взрослые, когда садятся, говорят «ох»?

Антошка смотрел в потолок и отвечал:

— Потому что у взрослых внутри живёт маленький шкаф.

Он скрипит.

— А у тебя большой шкаф?

— У меня уже гардеробная.

Артурка уважительно кивал, хотя слово «гардеробная» ему не понравилось. Оно звучало как болезнь у дверей.

Однажды утром Антошка решил устроить обычный спокойный день.

Это была первая ошибка.

Он заварил чай, достал хлеб, варенье и сыр, сел за стол и только хотел подумать взрослую приятную мысль вроде «сейчас пять минут никто ничего не спросит», как из-под стола высунулась жёлтая голова.

— Пап.

— Да, Артурка.

— А откуда я взялся?

Антошка замер.

Чайник перестал свистеть.

Нож завис над хлебом.

Варенье стало выглядеть так, будто тоже не хочет участвовать.

Антошка медленно положил нож и сказал голосом человека, который только что наступил босой ногой на философию:

— Ты появился у меня от большой радости.

Артурка прищурился.

— А технически?

Антошка посмотрел на окно.

За окном пушной соболь тащил мешок орехов и сделал вид, что его срочно вызвали в кусты.

— Технически, — сказал Антошка, — однажды жизнь решилась, что мне слишком тихо.

— И принесла меня?

— Не просто принесла. Она вручила тебя как очень важное задание.

Артурка расправил маленькие крылышки.

— Я задание?

— Самое любимое.

— А почему я пищал?

— Потому что у задания был встроенный будильник.

Артурка остался доволен не полностью, но временно.

Тут в дверь постучали.

Сначала было «тык... тык-тык... тык».

Антошка понял: мадагаскарская руконожка. Она всегда стучала своим длинным тонким пальцем так, будто проверяла дверь на наличие совести.

— Доброе утро, — сказала руконожка, входя. — Я принесла банан, загадку и лёгкое беспокойство.

Следом боком вошёл красный рак Вадим. Он был красный не от смущения, а по должности. Вадим ходил боком, но говорил прямо.

— Всем привет, — сказал он. — Я совершенно случайно проходил мимо завтрака.

За ним проскользнул хитрый Фокс. Он был настолько хитрым, что однажды обманул собственную тень: отправил её стоять в очереди за хлебом, а сам пошёл спать.

Последним вошёл пушной соболь. Он был мягкий, блестящий и всегда немного оскорблённый, будто его погладили против смысла жизни.

— Я не опоздал, — сказал соболь. — Я вошёл эстетически позже.

Антошка обрадовался. Взрослых стало больше. Значит, сложные вопросы можно распределять.

Артурка тут же повернулся к гостям.

— А откуда я взялся?

Все взрослые одновременно занялись делами.

Руконожка начала внимательно изучать потолок.

Рак Вадим полез под стол искать «очень важную клешню», хотя обе были при нём.

Фокс стал свистеть так громко, что стало ясно: он ничего не знает.

Соболь резко заинтересовался хлебницей, как будто там лежал ответ.

Антошка улыбнулся улыбкой человека, который уже сказал «от радости» и теперь надеется, что остальные поддержат версию.

— Мы как раз объясняли, — сказал он. — Что Артурка появился от большой радости.

— А технически? — повторил Артурка.

Рак Вадим стукнулся панцирем о ножку стола.

— Технически, — быстро сказал Фокс, — когда в доме слишком спокойно, вселенная оформляет доставку маленького специалиста по вопросам.

— А кто принимает заявку? — спросил Артурка.

Руконожка подняла длинный палец.

— Жизнь.

— А где у жизни стол?

— Везде.

— А ручка?

— У судьбы.

— А печать?

— На мокром хлебе, если его придавить.

Артурка задумался.

— Значит, я доставка?

Соболь торжественно сказал:

— Ты не доставка. Ты пушистое уведомление.

Артурке понравилось. Он расправил крылышки и сказал:

— Я уведомление. Пап, тебе пришло уведомление.

— Я заметил, — сказал Антошка. — Оно каждое утро клюёт меня в нос.

Все выдохнули.

Но спокойствие длилось примерно три секунды.

— Пап, — сказал Артурка, — а что такое взрослые секреты?

Антошка поперхнулся чаем.

— Это такие вещи, которые взрослые обсуждают, когда маленькие гусята спят.

— А почему?

— Потому что маленькие гусята потом задают ещё больше вопросов.

— А почему взрослые сами не спят?

— Потому что взрослые сначала говорят «сегодня лягу пораньше», а потом внезапно смотрят в стену до часа ночи.

— А что они там видят?

Соболь мрачно сказал:

— Свои решения.

Рак Вадим кивнул:

— И скидки, которые закончились вчера.

Руконожка добавила:

— И смысл жизни, но мелким шрифтом.

Артурка посмотрел на Антошку.

— Пап, а у тебя есть взрослые секреты?

Антошка замер.

Фокс заинтересованно поднял уши.

Соболь перестал жевать хлеб.

Рак Вадим сказал:

— О, вот это уже поворот клешни.

Антошка строго посмотрел на всех.

— У каждого взрослого есть секреты.

— А какие?

— Например... — Антошка задумался. — Например, я

однажды съел конфету, которую сам себе запретил.

Артурка округлил глаза.

— Ты нарушил закон?

— Домашний.

— Тебя наказали?

— Да.

— Как?

— Я купил ещё конфет и спрятал их повыше.

Рак Вадим уважительно щёлкнул клешнёй.

— Сильный ход.

— Это не наказание, — сказал Артурка.

— Поэтому я до сих пор над собой работаю, — вздохнул

Антошка.

Артурка подошёл ближе и прошептал:

— Пап, а я тоже могу иметь секрет?

— Можешь. Только если он не опасный.

— У меня есть.

— Какой?

Артурка виновато посмотрел на тапки Антошки.

— Я вчера спрятал в твоём тапке сухарик.

— Зачем?

— Чтобы у тебя была еда в дороге.

Антошка медленно посмотрел на свои тапки. Тапки смотрели обратно с выражением «мы предупреждали».

— Сынок, — сказал Антошка, — это не секрет. Это стратегический запас.

Артурка засиял.

После завтрака все пошли гулять к пруду.

Антошка шёл впереди, Артурка семенил рядом и почти касался его лапкой ботинка. Руконожка шагала важно и время от времени доставала длинным пальцем из коры деревьев какие-то свои мысли. Рак Вадим шёл боком и жаловался, что тропинка опять расположена неправильно. Фокс шёл так, будто уже знал, где лежит чужой бутерброд. Соболь шёл красиво, потому что некрасиво он не умел.

У пруда сидели две утки и спорили из-за кувшинки.

Артурка посмотрел на них и спросил:

— Пап, а что такое ссора?

— Это когда два существа хотят быть правыми одновременно.

— А кто прав?

— Обычно тот, кто первый устал.

— А почему взрослые спорят?

Антошка вздохнул.

— Потому что у взрослых иногда внутри накапливается лишний шум.

— А почему они его не выпускают красиво? Например: кря-кря.

Рак Вадим задумался.

— Кстати, хороший вопрос.

Фокс сказал:

— Если бы взрослые вместо ссор крякали, половина про-

блем решалась бы быстрее.

Соболь фыркнул:

— А половина выглядела бы унизительно.

Руконожка философски подняла палец:

— Унижение — это когда ты думал, что выглядишь мудро, а со стороны ты гусь в шляпе.

Артурка оживился.

— А я гусь без шляпы. Мне можно быть мудрым?

— Тебе можно быть любопытным, — сказал Антошка. — Это почти то же самое, только без бороды.

Они сели на берегу. Антошка достал бутерброды.

Фокс тут же сел ближе.

— Я просто охраняю еду от одиночества, — объяснил он.

Артурка поклевал хлеб и вдруг спросил:

— Пап, а что такое деньги?

Все взрослые расслабились. Вопрос был сложный, но хотя бы без внезапной паники.

— Деньги, — сказал Антошка, — это такие бумажки и цифры, за которые взрослые меняют своё время на суп, бутинки и спокойствие.

— А почему спокойствие покупают?

— Потому что бесплатно оно редко лежит на полке.

Рак Вадим поднял клешню:

— Деньги — это когда у тебя есть пять ракушек, а тебе надо семь, и ты начинаешь уважать арифметику.

Соболь сказал:

— Деньги — это способ объяснить продавцу, что тебе очень нужна булочка.

Фокс улыбнулся:

— А если ты хитрый, можно объяснить без денег.

Антошка строго посмотрел на Фокса.

— Фокс.

— Что? Я говорю про харизму.

Руконожка постучала пальцем по камню.

— Деньги — это взрослые листики тревоги.

Артурка нахмурился.

— А почему папа иногда смотрит на телефон и говорит:

«Ну куда опять?»

Антошка поспешно закашлялся.

— Потому что телефон показывает приключения цифр.

— А что такое коммунальные услуги?

Соболь тихо сказал:

— Не надо.

Рак Вадим побледнел настолько, насколько мог побледнеть красный рак.

Фокс прижал уши:

— Это слишком взрослое болото.

Антошка быстро сказал:

— Коммунальные услуги — это когда вода, свет и тепло живут у нас дома, а потом присылают открытку: «Спасибо, что мы у вас были».

— А почему открытка грустная?

— Потому что на ней сумма.

Артурка покивал, но было видно: он запомнил.

Потом они играли в «кто найдёт самый круглый камешек». Рак Вадим нашёл одиннадцать, но все они были подозрительно похожи на его старые знакомые ракушки. Фокс нашёл чужой бутерброд и заявил, что он идеально круглый «по внутреннему смыслу». Соболь нашёл своё отражение в воде и сказал, что оно безупречно. Руконожка нашла дырочку в дереве и долго с ней разговаривала.

Артурка нашёл маленькое перо.

— Пап, а что такое стыд?

Антошка сел на корточки.

— Стыд — это когда ты сделал что-то не очень хорошее и внутри у тебя становится горячо, как чайнику.

— А если я съел чужую крошку?

— Если чужую — надо признаться.

Артурка посмотрел на Фокса.

— Фокс, я съел твою крошку.

Фокс приложил лапу к груди.

— Мою? Единственную? Родную?

Антошка прищурился.

— Фокс, у тебя весь карман в крошках.

— Это родственники.

Артурка подошёл к Фоксу и серьёзно сказал:

— Прости.

Фокс растаял, но попытался сделать вид, что просто стра-

тегически размяк.

— Ладно. Прощаю. Но в следующий раз предупреждай про крошку заранее.

Артурка кивнул.

— Пап, а что такое любовь?

Все взрослые замолчали.

Вопрос был большой, но хороший.

Антошка взял Артурку на руки. Маленький гусь сразу прижался к нему и устроил клюв где-то возле воротника.

— Любовь, — сказал Антошка, — это когда кто-то маленький задаёт тебе сто вопросов подряд, а ты всё равно хочешь, чтобы он задал сто первый.

Артурка подумал.

— Даже если вопрос трудный?

— Особенно если трудный.

— Даже если я спрячу сухарик в другой тапок?

Антошка вздохнул.

— Тут любовь проходит испытание, но держится.

Рак Вадим шмыгнул носом, хотя у раков с этим сложно.

— Красиво сказано.

Соболь отвернулся.

— У меня просто ветер в глаз попал.

Руконожка постучала пальцем по дереву.

— Записываю в кору.

Фокс сказал:

— А можно любовь измерить бутербродами?

— Можно, — ответил Антошка. — Но ты зависишь показатели.

К вечеру они вернулись домой. Артурка устал, но вопросы в нём ещё тихонько шевелились.

Антошка уложил его в маленькую корзинку с одеяльцем.

— Пап.

— Да, Артурка.

— А завтра я могу спросить ещё?

— Конечно.

— А если ты не будешь знать ответ?

Антошка улыбнулся.

— Тогда мы будем думать вместе.

— А если никто не будет знать?

— Тогда спросим руконожку.

— А если руконожка не будет знать?

— Тогда рак Вадим скажет что-нибудь уверенно боком.

— А если и он не будет знать?

— Тогда Фокс попробует выкрутиться.

— А соболю?

— Соболю красиво вздохнёт.

Артурка сонно засмеялся.

— Пап, а я правда твоё любимое задание?

Антошка поправил одеяльце.

— Самое любимое.

— А ты мой любимый ответ, — прошептал Артурка.

И уснул.

Антошка тихо вышел на кухню, сел за стол и наконец-то сделал глоток остывшего чая.

Из прихожей донёсся хруст.

Антошка медленно посмотрел на тапки.

Потом на потолок.

Потом снова на тапки.

— Второй сухарик, — догадался он.

За окном кто-то тихо хихикнул. Кажется, Фокс.

Антошка вздохнул, улыбнулся и сказал:

— Любовь держится.

А тапки промолчали.

Но вид у них был очень взрослый.

Лишний выходной

Жил-был красный рак Вадим.

Не просто рак, который ходит боком и смотрит на жизнь с подозрением, а рак уже взрослый, жизнью ошпаренный, морально подурмяненный и местами философский. Красный он был не потому, что стеснялся, а потому что так сложилось эволюционно, бытово и немного после пятничных разговоров о ценах.

Вадим был близким другом того самого Антошки, который сначала искал своё настроение, потом сотрудников, а потом, кажется, уже просто искал тихое место, где никто не скажет: «Можно на минутку?»

У Вадима была девушка — мадагаскарская Руконожка. Существо удивительное: с большими глазами, длинным пальцем и таким взглядом, будто она знает, где именно в твоей жизни протекает крыша, но скажет об этом только после чая.

Ещё у Вадима были друзья: Антошка и его сын гусь Артурка, пушной Соболь, хитрый Фокс и прочие лесные личности, которых автор снова не будет перечислять, потому что однажды уже начал, устал и пошёл лежать.

И вот однажды случилось с Вадимом чудо.

Нет, не повышение зарплаты. Не скидка на коммуналку. Не внезапное сообщение: «Мы пересчитали ваш платёж, и

вы нам ничего не должны».

Чудо было скромнее, но для взрослого существа почти невероятное.

У Вадима выдался лишний выходной.

Прямо настоящий. Не такой выходной, когда ты не работаешь, но стираешь, убираешь, чинишь, оплачиваешь, отвечаешь, покупаешь и к вечеру выглядишь как человек, которого выходной переехал телегой. А именно лишний. Свободный. Ничей.

Вадим проснулся утром, открыл один глаз, потом второй, потом на всякий случай клешню, посмотрел в потолок и долго не понимал, почему внутри него нет привычной тревожной сирены.

Он прислушался.

Никто не кричал: «Срочно!»

Никто не писал: «Ты где?»

Никто не напоминал: «Надо бы».

Даже совесть лежала тихо, как будто её выключили из розетки.

— Неужели... — прошептал Вадим.

Он осторожно встал с кровати.

Пол не провалился. Небо не потемнело. Из-за шкафа не вышел начальник с фразой: «Раз уж ты всё равно дома...»

— Выходной, — сказал Вадим уже громче.

Потом ещё громче:

— Лишний выходной!

И так обрадовался, что пошёл боком по комнате быстрее обычного, задел тумбочку, уронил книжку «Как перестать всё контролировать» и решил, что это знак не контролировать даже её падение.

На кухне сидела мадагаскарская Руконожка. Она пила чай из кружки, на которой было написано: «Не трогайте меня, я думаю», хотя по лицу было видно, что она уже всё придумала и теперь просто ждёт, пока мир сам сознается.

— У меня выходной, — сказал Вадим.

— Я вижу, — ответила Руконожка.

— Как?

— Ты улыбаешься так, будто ещё не смотрел список дел.

Вадим насторожился.

— А он есть?

Руконожка достала из-под кружки длинный лист.

Вадим побледнел бы, но был красным раком, поэтому просто стал краснее в области души.

— Это что?

— Список дел, которые ты мог бы сделать в свободный день, — сказала Руконожка.

— Мог бы?

— Мог бы, — кивнула она. — Но не обязан.

И торжественно порвала список пополам.

Вадим замер.

— Ты сейчас уничтожила взрослую ответственность?

— Нет, — сказала Руконожка. — Я просто временно от-

ложила её в помойку.

Вадим почувствовал, как внутри него заиграла маленькая гармошка надежды.

— Тогда я хочу провести этот день с друзьями, — сказал он. — Со всеми. Давно же нормально не собирались. Всё какие-то дела, заботы, сообщения, которые начинаются с «извини, что поздно» и заканчиваются тем, что ты уже в болоте с фонариком ищешь чужую ответственность.

— Хорошая мысль, — сказала Руконожка.

— Прямо сегодня! — оживился Вадим. — Позову Антошку, Артурку, Соболя, Фокса. Соберёмся у озера, возьмём вкусного, посидим, поговорим всякую ерунду, как раньше.

Руконожка посмотрела на него мягко, но с той взрослой грустью, которая появляется у тех, кто уже пытался собрать друзей после тридцати.

— Попробуй, — сказала она.

И Вадим попробовал.

Первым он написал Антошке.

Антошка ответил не сразу. Сначала появилось «печатает...», потом исчезло, потом снова появилось, потом Вадим успел прожить маленькую жизнь, состариться внутренне и пожалеть, что вообще умеет ждать.

Наконец пришло сообщение:

**«Вадим, брат, я бы с радостью, но сегодня
надо разобраться с сотрудниками, документами,**

одним разговором, который я откладывал, и ещё Артурку на занятия отвезти».

Через минуту пришло второе:

«И забрать».

Потом третье:

«И понять, с каких именно занятий».

Вадим посмотрел на экран.

— Понятно, — сказал он.

Не обиженно. Просто так, как говорят взрослые, когда им на душу аккуратно поставили ведро с мокрой тряпкой.

Следующим он написал пушному Соболю.

Соболь ответил голосовым сообщением на семь минут, из которых первые пять он извинялся, шестую минуту плакал, а на седьмой сказал, что не сможет, потому что у него линька, важная встреча с парикмахером по меху и необходимость морально подготовиться к зиме, хотя на улице была середина лета.

— Я бы пришёл, Вадимчик, — всхлипывал Соболев в голосовом. — Но если я сейчас не займусь собой, я потом буду выглядеть как забытый плед в электричке.

Вадим положил телефон на стол.

— Плед тоже имеет право на жизнь, — тихо сказал он.

Потом он написал хитрому Фоксу.

Фокс прочитал сразу.

Ответил через секунду:

«Не могу. Дела».

Вадим прищурился.

«Какие?»

Фокс ответил:

«Хитрые».

Это было настолько в стиле Фокса, что Вадим даже не стал уточнять. Потому что когда Фокс говорил «хитрые дела», это могло означать всё что угодно: от покупки семечек со

скидкой до попытки продать кому-нибудь его же собственную тень как редкий антиквариат.

Последним Вадим написал Артурке, сыну Антошки.

Артурка был гусем. Молодым, бодрым, шумным и уверенным в себе настолько, насколько может быть уверен в себе гусь, который ещё не платил за отопление.

Артурка ответил быстро:

«КРЯ!»

Потом исправился:

«То есть ГА!»

Потом добавил:

«Я бы пошёл, дядя Вадим, но у меня важные дела».

«Какие?» — спросил Вадим.

«Я учусь угрожающе смотреть на хлеб».

Вадим отложил телефон.

Он сел у окна.

За окном был отличный день. Такой день, который специально создавали для прогулок, смеха, озера, разговоров ни о чём и того редкого чувства, когда время не гонится за тобой с квитанцией.

А у всех были дела.

Вадим долго молчал.

Потом сказал:

— Ну конечно.

И в этих двух словах было столько взрослой печали, что даже чай в кружке остыл из уважения.

Руконожка подошла и села рядом.

— Расстроился?

— Нет, — сказал Вадим.

— Вадим.

— Сильно, — признался Вадим.

Он пошевелил клешнёй.

— Просто я думал... знаешь... вот у меня внезапно появилось время. Редкое. Живое. Настоящее. И я хотел потратить его не на дела, не на полку, не на «надо», а на своих. А выходит, у моих своих — тоже своё.

Руконожка кивнула.

— Так бывает.

— Бывает, — сказал Вадим. — Но от этого не легче.

Он посмотрел на свой отражённый в окне красный силуэт.

— Когда мы были моложе, собраться было просто. Кто-то крикнул: «Пошли!» — и все пошли. Без календарей, без согласований, без «я посмотрю по силам». А теперь, чтобы увидеть друзей, нужно планировать так, будто мы запускаем космическую станцию из картона и надежды.

— Взрослая дружба не исчезает, — сказала Руконожка.

— Она просто ходит медленнее. Иногда боком. Как ты.

— Очень смешно.

— Я не шутила. Это комплимент.

Вадим хотел улыбнуться, но не смог.

Он встал, взял маленькую сумку, положил туда яблоко, печенье, термос и зачем-то отвертку, потому что взрослый мужчина-рак не может выйти из дома без предмета, который может «вдруг пригодиться».

— Куда ты? — спросила Руконожка.

— К озеру, — сказал Вадим. — Раз уж выходной есть, проведу его сам.

— Можно я с тобой?

Вадим посмотрел на неё.

— А у тебя разве нет дел?

Руконожка подняла длинный палец.

— Есть. Проследить, чтобы один красный рак не утонул в собственной грусти на мелководье.

Так они пошли к озеру.

Лес встречал их обычной лесной суетой. Белки спорили из-за орехов так яростно, будто делили наследство. Дятел стучал по дереву с видом работника, которому сказали: «Ну ты же быстро». Где-то вдалеке неизвестный зверь кричал: «Я не опоздал, я драматично появился!»

Вадим шёл боком и молчал.

Руконожка шла рядом и тоже молчала. Она умела молчать так, что рядом с ней становилось не пусто, а спокойно.

У озера всё было почти как раньше.

Старая скамейка. Тихая вода. Камыши, которые шептались так подозрительно, будто знали все чужие тайны и одну свою. На берегу лежал тот самый плоский камень, с которого Антошка когда-то пытался запустить «блинчик», но попал себе по самолюбию.

Вадим сел на скамейку.

— Хорошее место, — сказала Руконожка.

— Да.

— Можно грустить красиво.

— Я не хочу красиво, — сказал Вадим. — Я хотел весело.

Руконожка достала из сумки печенье.

— Иногда весело приходит позже. Сначала оно стоит за деревом и проверяет, безопасно ли.

Вадим взял печенье.

— Ты всегда так говоришь, будто внутри тебя живёт маленький мудрый дед.

— Не дед, — сказала Руконожка. — Бабушка с бухгалте-

рией чувств.

Вадим всё-таки хмыкнул.

И в этот момент из кустов донёсся тихий шорох.

Вадим обернулся.

— Кто там?

Из кустов никто не вышел.

Только очень быстро исчез рыжий хвост.

Вадим прищурился.

— Фокс?

Тишина.

Потом из другого куста послышался глухой всхлип.

— Соболь?

— Нет, — сказал куст голосом Соболя. — Это куст эмоционально нестабилен.

Вадим медленно повернулся к Руконожке.

Она смотрела на озеро с таким невинным видом, что любой суд сразу понял бы: виновна, но красиво.

— Что происходит? — спросил Вадим.

Руконожка сделала глоток чая из термоса.

— Не знаю. Может, природа.

Из-за дерева вдруг вылетело перо.

Потом второе.

Потом появился Артурка. Он крался на цыпочках, насколько это возможно для гуся, который считает себя тайным агентом, но при каждом шаге говорит: «га-га» просто от внутреннего давления.

За ним выглянул Антошка.

У Антошки был вид человека, который отменил три дела, перенёс два разговора, забыл один список и теперь надеется, что жизнь не заметит.

— Привет, — сказал Антошка.

Вадим моргнул.

— Ты же не мог.

— Не мог, — сказал Антошка. — А потом понял, что некоторые дела прекрасно портят жизнь и без моего участия.

Артурка гордо выпятил грудь.

— А я отказался угрожающе смотреть на хлеб.

— Серьёзная жертва, — сказал Вадим.

— Очень, — подтвердил Артурка. — Хлеб расслабился.

Из кустов вылез пушной Соболь. Он был причёсан только с одной стороны, поэтому выглядел как роскошный меховой аристократ, попавший под небольшой жизненный компромисс.

— Я пришёл, — сказал Соболь и сразу заплакал. — Правда, парикмахер успел сделать только левую половину, поэтому справа я ещё в процессе становления личности.

Следом вышел Фокс.

В лапах у него была корзина.

— А я, между прочим, всё организовал, — сказал он.

Руконожка кашлянула.

— Почти всё, — поправился Фокс. — Организовал ту часть, где можно сказать, что это организовал я.

Вадим смотрел на них и не понимал, что делать с лицом. Потому что оно собиралось то улыбаться, то возмущаться, то пустить слезу, но рак всё-таки был красный, и эмоции на нём выглядели как оттенки одного и того же помидора.

— Вы же все были заняты, — сказал он.

— Были, — сказал Антошка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.